

**«Когда ничто не свято,
когда ничто не сдерживает»**

России нужны и либералы, и консерваторы. Проблема в том, что наши либералы либералами не являются, а только прикидываются ими. В любой стране мира есть либералы и консерваторы – они лишь называются по-разному. В Соединенных Штатах, например, это республиканская и демократическая партии. Демократы борются против консерваторов, а консерваторы борются против демократов. А наши либералы борются против собственной страны. Для них чем хуже, тем лучше. Они могут назвать российскую армию вражеской, что, например, прозвучало из уст журналистки Латыниной на «Эхе Москвы» в 2008 году, когда наша армия была вынуждена отвечать на грузинскую агрессию. И, как это бывает в неудавшихся семейных парах, люди проходят три фазы: сначала борются друг за друга, потом – друг с другом, наконец, друг против друга. Они уже начинают бороться против государства, против Отечества. Скажем, Шендерович, который представляется либералом, полагает, что правомерно ставит на одну доску нашу фигуристку, олимпийскую чемпионку Юлию Липницкую и нацистского преступника, карателя, чемпиона Олимпиады тридцать шестого года Ганса Отто Вельке, убитого белорусскими партизанами под Хатынью в сорок третьем году. И обвиняет ее в том, что гениальная девочка с каждым прыжком увлекает с собой рейтинг Путина.

Ничего подобного ни в одной другой стране мира нет – мы здесь уникальны, диапазон разброса наших ценностей прямо по Достоевскому: бездна внизу и бездна вверх. Эти «либералы» отпугивают людей от самого понятия «либерализм». Поэтому у нас нет даже понятия о либерально-патриотической партии. Убежден, Россия должна иметь разные политические крылья, но все они должны быть патриотическими. У нас сейчас и патриотизм используют как ругательное слово. Например, журналистка Ксения Ларина заявляет, что ее «от патриотизма тошнит червяками».

Вновь повторю: я против таких либералов, но не против либеральных взглядов. Надо четко различать либеральные взгляды и подрывную деятельность, которой эти люди занимаются. А если не очень получается подрывная, то изображают из себя жертву, норовят сесть в автозак и попозировать.

Но сегодня я хочу говорить на другую тему – ту, на которую многие говорить стесняются. Нам нужны аргументы, чтобы защищать традиционную семью. Без нее Россия не выживет. Если мы потеряем семью,

человека негде будет воспитывать. Такая попытка уже была после семнадцатого года – отказаться от семьи. Тогда пришлось налаживать всё железной рукой, с большим количеством жертв. Очень не хотелось бы к этому возвращаться.

Поэтому сегодня важно вслух обсуждать тему навязывания большинству ценностей меньшинства. Нам говорят: запрещая гей-парады, вы преследуете людей нетрадиционной ориентации, вы – гомофобы, вы – несовременные люди. Многие из вас в своей общественной деятельности сталкивались с ситуациями, когда какие-то люди приходят и говорят, что у вас принят гомофобский закон, поэтому давайте от него откажемся...

Я вынужден был разбираться в этой теме. Мне приходилось полемизировать с Николаем Сванидзе в программе «Исторический процесс», делать репортажи в программе «Вести недели». К тому же у меня нормальная семья – четверо детей, и надо как-то им объяснять, откуда эти геи взялись. Кто-то говорит: «Я таким родился». Другой: «Это мой выбор, зачем вы нам мешаете?». Если перед вами стоит гей, ни вы, ни он, никто не может знать, почему он гей. Он таким родился или он стал таким? К сожалению, в нашей стране нет достаточно глубоких исследований, таких, какие есть в Соединенных Штатах или в Западной Европе. Есть профессиональные организации, которые занимаются этой темой достаточно глубоко, например «Американская ассоциация психиатрии». Если вы посмотрите слово «гомосексуализм» в англоязычной «Википедии», то там сказано, что это «сочетание» – гомосексуализм – является результатом сложного сочетания биологических и социальных факторов. То есть часть людей действительно предрасположена генетически, и таких около одного-полутора процентов. Другая часть выбрала нестандартную ориентацию под влиянием социальных факторов, то есть под влиянием среды. По Фрейду, человек рождается бисексуальным. У младенца как бы нет пола, он его не ощущает. Лишь в период полового созревания происходит психологический выбор. Шаткий человек склонен к экспериментам. Какой-то процент – допустим, два-три процента – можно качнуть в другую сторону. И число гомосексуалистов в обществе увеличится за счет привлечения неокрепших душ. Если взрослый человек ему скажет: «Это нормально, ничего страшного нет, это классно – давай попробуем». И пробуют, и кому-то нравится. Так у нас растет количество геев.

Что происходит дальше? Дальше человек – осознанно или нет – вступает на этот путь. Есть статистика. Слово «гей» считается неполиткорректным и не проходит в западной медицинской статистике, но есть такая аббревиатура «MSM» (Men who have sex with men). Есть исследования, проведенные в Голландии, в Бельгии, в странах, где геев не преследуют, где господствует другая социальная норма.

Здесь позволю себе небольшое отступление. Моя идея – рассказать вам о том, что это не здорово и не здорово. Поэтому надо прояснить вопрос о социальной норме. Мы не можем называть это болезнью, поскольку это нигде болезнью не признано. Тем не менее в каждой стране есть своя социальная норма – в Соединенных Штатах, в Китае, Японии, России, во Франции. И они разные. Если французский президент заводит себе любовницу, то у него рейтинг растет. Как это было с Олландом,

когда он расстался с женой, любовницу бросил и завел себе третью женщину. Общество приветствует это. Такая во Франции социальная норма. Если же президент Соединенных Штатов, например Клинтон, заводит себе любовницу в Белом доме, то его рейтинг падает вплоть до импичмента. То есть в Америке социальная норма другая. Почему же России отказывают в том, чтобы мы имели свою социальную норму. Я выступаю за право России иметь свою социальную норму. И советую вам пользоваться этим термином. Именно к социальной норме апеллирует Путин, когда говорит: «Подождите, у нас это не принято, у нас народ это не поймет». С иронией, с самоиронией, в свойственном ему стиле, он тем не менее ссылается на социальную норму. И если мы откажемся вообще от этого понятия, то нас не будет. Теперь вернемся к MSM.

Я против того, чтобы мои дети были гомосексуалистами. У меня трое сыновей и одна дочь. В однополый любви случаи насилия имеют место статистически чаще. Отношения там грубее. Средняя продолжительность жизни примерно на шесть лет ниже. Это зона риска, где СПИД, различные формы гепатита, злокачественные опухоли, которые сопутствуют СПИДу. Там чаще депрессии, чаще обращения к психиатрам, значительно больше самоубийств. Но мы этого как бы не видим – говорить об этом считается некорректным. Нам предлагают гей-парады, где они все-все в перьях, весело хохочут, показывают, какая красивая у них жизнь. Но в действительности это всего лишь прикрытие анонимного секса. Там значительно реже возникает человеческая привязанность. Однополый любви сопутствует одиночество, особенно в преклонном возрасте. Всё это делает их жизнь не слишком счастливой. Они лишены родительского счастья, родительских радостей. Они, так или иначе, чувствуют себя гонимыми. То есть живут с постоянными комплексами. Обостряется проблема самоидентификации: «Кто я?». Я сталкивался с исследованиями, которые предлагают ввести в норму разные сексуальные девиации. Допустим, транссексуалы, геи, лесбиянки. Кто-то уже предлагает и педофилию признать сексуальной ориентацией. Я находил списки, где сексуальных ориентаций – пятьдесят! Ответить на вопрос «Кто я?» становится всё труднее.

В программе «Исторический процесс» я как-то высказался за то, чтобы сжигать сердца геев. Это был провокационный пассаж, который теперь широко цитируется. Сжигать сердца либо закапывать их в землю в случае автомобильной катастрофы как непригодные для продолжения чьей-либо жизни. В России этого нет, а в Соединенных Штатах Америки – обычная практика. Начиная с 1977 года, с момента начала продолжающейся и поныне эпидемии СПИДа, геям официально запрещено быть донорами. Им запрещено сдавать кровь, органы, жидкости, роговицу глаза. Кто им это запретил? Организация, которая называется FDA (Food and Drug Administration), аналог нашего Роспотребнадзора. Это всесильная организация, которая ворочает триллионами, которая определяет, что из пищи и лекарств здоровое, а что нездоровое для Соединенных Штатов.

Почему запрещено донорство? Человек, которому в автокатастрофе отрывает голову, но выясняется, что он гей, не рассматривается как донор – его кремируют, либо закапывают вместе с сердцем. Или человек приходит сдать кровь. Его спрашивают: «Вы гей?» – «Да, я гей». – «Извините, вам нельзя». Если же он обманул, то преследуется уголовно за обман.

На сайте FDA можно прочитать, что гей является представителем зоны риска, где статистически СПИД присутствует гораздо чаще. Является ли это дискриминацией? Говорят, что нет, не является – потому что государство не может брать на себя риск заражения таким заболеванием.

То же самое имеет место в Великобритании, Японии, Австралии, Новой Зеландии, Израиле. В других странах устанавливают сроки с момента последнего контакта. В Канаде, например, пять лет со дня последнего контакта. Но у геев очень часты контакты, в среднем – по пятьсот сексуальных партнеров за жизнь, бывает до полутора тысяч.

Я две недели назад был в Израиле. В числе других членов клуба главных редакторов СНГ пришел на аудиенцию к президенту Пересу. Зная о том, что в Израиле на эту тему прошла дискуссия, спросил его: «Господин президент, чем вы мотивируете сохранение данного запрета? Нам очень интересен израильский опыт – не только в сферах борьбы с терроризмом, уважения к старшим, уважения к детям, но и в этой специфической сфере». Он ответил: «У нас нет такого запрета». И прочел мне пятнадцатиминутную лекцию про равноправие, недопустимость дискриминации, про то, что дискриминация только в Иране, где этих геев вешают. В программе «Вести недели» я продемонстрировал «Правила донорства в Израиле», где имеет место прямой запрет. Более того, в Израиле запрещено сдавать кровь не только геям, но и неевреям.

Впрочем, сейчас мы говорим о геях. В России такого запрета нет. И поэтому я выступаю за то, чтобы выработать международные стандарты донорства. Народный фронт может выступить за международный стандарт донорства.

У нас государство странным образом берет на себя этот риск. С какой стати? Я этого не понимаю. Или у нас такие удивительные методы, что мы можем стопроцентно определить СПИД? Тогда давайте поделимся этим секретом с Соединенными Штатами, и пусть они отменят свой запрет. Когда кто-то говорит: «Это ерунда», – я предлагаю ему рискнуть самому: вот тебе две банки крови, одна от гея, другая не от гея. Какую выберешь? Добровольно. То есть тут необходимо формулирование в России государственной позиции.

Пойдем дальше. Для чего проводятся гей-парады? Для того чтобы предстать в заманчивом образе и отбивать от семей детей, подростков. Сами геи не могут же себя воспроизводить. Для этого и нужны гей-парады. Фактически это акт агрессии по отношению к обществу. Поэтому у нас гей-парады запрещены. Они не соответствуют нашей социальной норме. Согласно нашей социальной норме, это считается презренным. Кроме того, у нас не принято интимные отношения выпячивать напоказ. Мы романтизируем интимные отношения. Почему мы должны отказываться от романтики, от традиций, от романтических традиций русского эроса. Или отказываться от другой традиции, мусульманской? С какой стати? Если мы начнем себя менять, то потеряем семью, детей и, в конечном счете, страну, Россию.

Убежден, европейцы находятся в нисходящем тренде, продавая свои храмы мусульманам или сдавая их в аренду. Они терпят крах. И ответ на их самоликвидацию обретает самые brutальные формы. Брейвик убил 72 человека. За что он их убил? Если вы почитаете его речь на судебном процессе (она есть в русском переводе), то увидите, что у него

совершенно логичная философия. Сразу оговорюсь: я против таких методов! Жестко против. Не надо никого убивать. Но давайте попробуем отделить его методы от его идей. Он говорит: «К 2040 году количество мусульман в Норвегии превысит число коренных норвежцев». Разве в Норвегии проводили референдум о готовности к самоликвидации? Кто решил за страну, за народ, который живет там тысячу лет, со времен викингов, что следует прекратить собственное существование? Кто так решил?! Он убивал этих норвежцев в молодежном лагере Рабочей партии как предателей и потом говорил об этом: «Не каждая жестокость является несправедливой». Это brutальный, дикий ответ. Но это ответ на предательство традиционных ценностей. Что будет на следующем этапе – фашизм? Здесь имеет место определенный риск: либо Европа сдастся, либо такой ответ вновь будет звучать. И то, и другое – плохо.

Может быть, не следует доводить до этого? Иначе появится много «маленьких брейвиков». Вот объявили Брейвика сумасшедшим, приписали ему шизофрению. Я знаю норвежский язык, я окончил норвежское отделение кафедры скандинавистики Ленинградского университета. Я следил за этим делом, переписывался с коллегой-журналистом с норвежского телевидения. Задавал ему вопрос: как можно за три дня поставить такой диагноз? Мы в России пережили опыт советской карательной психиатрии, и сейчас у наших психиатров действует неписаное правило: диагноз «шизофрения» можно ставить только через полгода наблюдений. Как же ваши психиатры справились за три дня? Их следует поздравить со столь ярким использованием опыта советской психиатрии. Коллега попросил разрешения опубликовать мой e-mail в норвежской прессе. Я согласился. Они опубликовали с соответствующим комментарием. Возникла дискуссия, и они ему отменили диагноз.

Но идеологического ответа внутри Норвегии так и не было дано. Не было найдено идеологического противоядия. Потому что тогда они должны предать собственную политкорректность, в которой они очень далеко зашли, и перестроить все свое общество. Но они не знают как. Это трагедия. И поэтому есть силы в Европе и в Соединенных Штатах, которые рассматривают Россию и Путина персонально как своего рода ресурс, нравственный ресурс для восстановления традиционных ценностей в Европе и в Америке, как некую точку опоры. И это справедливо. Россия пока не двинулась в том направлении, не начала разлагаться, она сохраняет свою силу. Впрочем, и здесь имеется опасность. Среди консерваторов есть совсем дикие, фашиствующие, в том числе в Соединенных Штатах. Кое-кто хотел бы уложить Путина в одну постель с ними, как пишут в американских СМИ. Поэтому нужно сохранять чувство меры.

Есть такой писатель – Виктор Ерофеев, мой друг. Мы с ним разных взглядов, но давно знаем друг друга и время от времени общаемся. У него есть хороший рассказ. Идет по лесу человек и всё повторяет, используя ненормативную лексику: «Манька у меня дрянь, дети дрянь, соседи дрянь, начальник дрянь, коллеги еще большая дрянь». Думает, кого же он забыл назвать? О! Страна – дрянь. Потом посмотрел вверх: и Господь Бог тоже дрянь. Сел мужик на пенек, огляделся сиротливо. Смеркалось... С кем он остался?

Если мы будем отказываться от того, что является нашей точкой опоры, мы окажемся нигде. Мы будем недостойны нашей страны. Вот вы

подходите к глобусу или к карте, и американцы тоже каждый день подходят, в том числе генералы американские, смотрят на карту и каждый раз грустно от нее отходят, потому что Россия – вот такая! Нам ее оставили наши предки, которым было значительно сложнее. Ермак пошел в Сибирь без мобильного телефона. У нас сегодня есть всё. И мы сейчас будем спускать такую страну?! Ради чего?

Есть Нью-Йорк, где все такие прикольные и удивительные. Есть Вашингтон, я там был пару лет назад. Поехал туда на семинар, организованный Пентагоном. Там все ходят в галстуках, в глаженных брюках. Там никто не спорит по поводу базовых ценностей страны. «Патриотизм», у них это «национализм», – святое слово. Они показывают нам пример сплоченности элит, которые могут думать как демократы или как консерваторы, но базовые национальные интересы страны для них все равно святы. Если же мы будем ставить под сомнение, нужна ли нам Сибирь, как Женя Альбац говорит: «С удовольствием бы отдала Сибирь»... Если кто-то хочет отдать Кавказ... Если Чубайс в ответ на вопрос, жалеете ли вы, что развалился Советский Союз, говорит: «Разве Таджикистан – моя Родина? Или Туркмения?»... Хорошо, но где тогда остановиться? А Татарстан – твоя Родина? Новгородская область – твоя Родина? Мы с чем останемся?

Нам нужно иметь абсолютно четкое представление об иерархии ценностей. Ценности эти начинаются с семьи и детей. Но в наших реалиях дети перестали быть ценностью. У нас миллионы аборт в стране. У нас беспризорников миллион...

Консерватизм – это условие развития. Это не значит, что мы должны идти назад. Но мы должны сохранять условия движения вперед. Сохранять точки опоры. Иначе мы провалимся. Путин, излагая мысли Бердяева, говорит, что смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотичной тьме, к первобытному состоянию. Я абсолютно с ним согласен. Вот что писал Бердяев в работе «Духовные основы русской революции»: «Вдумываясь в причины наших несчастий и неблагообразий, приходится признать, что почти полное отсутствие в русском обществе идейного консерватизма было роковым для нашего развития. Мы развиваемся более болезненно и катастрофично, чем народы Запада. У нас совсем как будто бы нет традиций, нет дорогих воспоминаний прошлого, нет почитания могил предков. Мы начинаем свою историю сначала, с *tabula rasa*, как народ, не имевший истории. В нашей революции как будто бы совсем порывается связь времен. Русские гордятся той легкостью, с которой они (жесткие слова, посмотрите!) с которой они совершают революционный разрыв с прошлым. Эту свободу свою они противопоставляют западной “буржуазности”. Русскому ничего не стоит радикально порвать с родиной, с церковью, с государством, с семьей, с моралью, с наукой и искусством»¹.

Бердяев писал эти строки в состоянии ужаса, когда Россия проваливалась в тартарары. Она проваливалась потому, что легкость была необыкновенной, потому, что были у нас и свои террористы, и револю-

¹ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. // Собр. соч. Париж: YMCA-Press, 1990. Т. 4. С. 321.

ционеры из либералов, которые могли стрелять в человека, в губернатора, во власть. Их не пугала большая кровь, они сшибали кресты с храмов. Они пришли в Киево-Печерскую лавру и вывели за ворота митрополита Владимира (Богоявленского). Матросы расстреляли его разрывными пулями, а потом еще тело штыком прокололи несколько раз. Вот в таком состоянии Бердяев это писал – когда уже ничто не свято, когда ничто не сдерживает. Ну, давайте докатимся до этого снова...

Вот еще одна цитата из Бердяева: «Мы быстро впадаем в революционный маразм. Наша “революционная демократия” потеряла связь с истоками жизни. Она занята исключительно словоизвержением, и все слова ее выветрились и потеряли всякое живое содержание. Нам нужны слова с большим весом и реальным содержанием. А для этого нужно перестать жить на поверхности и кипеть в пустоте. Нужно связать себя с реальностями, непреходящими и вечными»¹.

В России уже отказывались от семьи. У нас сексуальная революция произошла раньше, чем на Западе. После революции были всяческие браки и всевозможные формы ориентации. Всё это мы уже проходили. И детей сдавали. Ну, давайте еще раз...

Нет у нас другого выхода, кроме как сохранить нашу большую страну.

Быть может, у меня получилось не слишком академично. Какие-то фрагменты собственного мировоззрения я изложил, что называется, как есть. Надеюсь, Ольга Юрьевна [Васильева. – *Ред.*] дополнит.

¹ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. С. 329.

С.С. Говорухин. Я догадывался, что лекция о консерватизме будет такой интересной... Есть вопросы Дмитрию Константиновичу? Пожалуйста, Анатолий Федорович Соломаха.

А.Ф. Соломаха. Господин Киселев, ваши коллеги этот вопрос не любят. Говорить по телевидению о такой проблеме, как гомосексуализм или традиционная семья, очень сложно. Любой профессионал легче сделает картинку из какого-нибудь гей-клуба, с гей-парада. Или же просто даст репортаж о традиционной семье. Вот недавно Pussy Riot были в Сочи, а их по нашим каналам не показали, потому что, показав их, мы делаем им рекламу. Не кажется ли вам, что наши медиа часто делают рекламу гей-сообществу?

С.С. Говорухин. Вы думаете, что о хорошей, порядочной, интересной семье нельзя интересно рассказать? Хотя это уже давно известно: «А нынче все умы в тумане, Мораль на нас наводит сон, Порок любезен...». Это Пушкин. Но все зависит от таланта. Вот четыре дня назад я в сотый раз смотрел картину «Большая семья» по роману «Журбины». Вот от чего оторваться нельзя! Так что все зависит от степени таланта. Но вопрос-то совсем к другому человеку. Пожалуйста, Дмитрий Константинович.

Д.К. Киселев. Как говорится, есть способность дать, а есть способность взять. Мы регулярно показываем многодетные семьи, семьи военных, семьи спортсменов-олимпийцев – как они за своих болеют, семьи разных народов нашей страны. Мы показываем и детей. В наших программах семья постоянно присутствует. Вам кажется, что мало?..

Л.В. Поляков. Мне кажется, коллега имеет в виду, что зло более привлекательно,

чем добро. И апеллировать к способности самого потребителя картинки или к его неспособности в этом случае сложно. Надо придумать формат привлекательности добра. Вот вы говорите о том, что показывают семьи, семьи, семьи. Но эта картинка не цепляет. Вот в чем проблема. Это реальная проблема. Я говорю как телезритель, и в этом смысле с Анатолием Федоровичем солидарен.

Д.К. Киселев. Абсолютно не согласен, что такая форма не найдена, она найдена. Например, наша программа «Вести недели», где я рассказываю, в том числе и многих вещах, о которых сейчас говорил. По опросам фонда «Общественное мнение», с минувшего телевизионного сезона среди аналитических еженедельных программ наша программа занимает первое место по узнаваемости, по популярности, по смотримости (извините за это слово), по уровню доверия. Люди считают эту программу точкой опоры. У нас огромная аудитория. Доля аудитории в прошлое воскресенье была 21% – такого вообще не бывает.

Т.В. Метёлкина. Здесь присутствуют представители региональных СМИ. Сегодня их общий тираж существенно превышает тираж СМИ федеральных. У идеологии, в том числе консервативной, должны быть носители. Независимых СМИ не бывает, каждому СМИ кто-то платит.

Если речь идет о поддержке традиционных ценностей, то почему нельзя прямо заявить о поддержке государственных СМИ, которые являются опорой консерватизма? Почему мы не можем это прямо сказать? Я говорю про газеты. Например, в Польше, по соседству с нами, спрашиваю у коллег: «Ребята, у вас есть запреты? О чем нельзя писать?». Отвечают: «Конечно, есть. О ЕС и о костеле». А всё остальное можно.

Они могут критиковать свое государство, но при этом они обязаны поддерживать тему ЕС и тему католицизма. Может быть, и мы, наконец, определимся и не будем стесняться сказать вслух, что мы поддерживаем? Потому что государственные СМИ сохраняют традиционную культуру, сохраняют русский язык. Почему мы этого стесняемся? Может быть, наконец, перестанем заигрывать?

Д.К. Киселев. А никто и не заигрывает. Я говорю «в моей программе», потому что у меня авторская программа на государственном канале. Кто стесняется? Я не стесняюсь, я говорю, что у нас государственное телевидение. Я с гордостью говорю, что работаю на государственном телевидении. Государственное телевидение есть в Норвегии, во Франции, в других странах. Я точно без комплексов. Меня взяли на эту работу, потому что у меня такая позиция. А не наоборот. Свобода журналиста в современном мире – это свобода выбрать себе главного редактора, издателя.

О.В. Тимофеева. У меня еще вопрос к выступающему. Нас, депутатов, особенно тех, кто работает в ПАСЕ, очень сильно «прессуют». Практически все страны, в том числе страны бывшего соцлагеря, сегодня открыто выступают за нетрадиционные ценности, и наши депутаты в шоке. Но при этом – в чем нас обвиняют внутри России? Когда мы предлагаем запретить пропаганду порнофильмов среди детей и еще что-то подобное, нас начинают обвинять в том, что, ставя это в повестку, мы еще больше разжигаем тему и даем этим людям карт-бланш.

Д.К. Киселев. В любом случае нужно опираться на нашу социальную норму и, используя ее, стоять, как кремень,

абсолютно. Ею аргументировать: у вас разрешены легкие наркотики, а у нас нет, потому что у нас такая страна. Использование социальной нормы как аргумента будет работать стопроцентно.

С.Р. Баталова. У нас воспитание детей во многом идет на мультиках. Ребятишки с удовольствием смотрят и «Смешариков», и «Лунтика», сейчас еще «Маша и медведь» появились. Хорошо, что у Лунтика бабушка и дедушка есть, а то неизвестно, где его нашли, в какой капусте. (Лунтик родился на Луне, потом попал на Землю, и здесь его приютили старички-пчелы. – *Ред.*) Получается, что родителей там нет и семейных ценностей мы не воспитываем. То есть у ребенка на подсознательном уровне это не формируется. В «Смешариках» вообще дети-одиночки. И получается, что хорошие слова говорятся, а семьи нет. «Маша и медведь» и вовсе, как волк с зайцем в «Ну, погоди!», друг над другом издеваются. Дети двадцать первого века они другие, они эгоистичны, много неуважения к старшим. Вот такие мультфильмы, как «Гора самоцветов», действительно формировали традиционные ценности. Хорошо бы Общероссийскому народному фронту как-то участвовать в определении госзаказа на детскую кинопродукцию и на книги. Наши дети и внуки сегодня воспитываются уже на Гарри Поттере и на чем-то еще, но не на отечественных произведениях.

Д.К. Киселев. Согласен, Народный фронт должен занять здесь определенную позицию.